

Описание грозы мы найдем у обоих авторов.⁴⁵ Чувствуется в поэме Боброва и влияние Оссиана. На одну из текстуальных параллелей (жалобы фиалки) обратил внимание рецензент сочинений Боброва в 1805 г.⁴⁶

Однако главным в «Тавриде» было все-таки не подражание, а личные впечатления.⁴⁷ Любовно, со многими подробностями описывает он растительность и животный мир Крыма.

Впечатления, полученные поэтом от знакомства с остатками античной культуры, отразились в большом рассказе об античной мифологии, который вложен автором в уста шерифа — мусульманского законоучителя. Кюхельбекер в свое время отметил неправдоподобие этой ситуации: «Небо Италии нейдет к русскому ландшафту и римский наряд не пристал татарину».⁴⁸ Кюхельбекер настаивал на строгом соблюдении «местного колорита». Для Боброва этой проблемы еще не существовало: он стремился поместить в поэму яркий и живописный материал, а о соблюдении исторического правдоподобия мало заботился.

В то же время в поэме продолжает звучать и характерная для Боброва тема непрочности бытия. Она возникает в одном из центральных мест поэмы — обращении к творцу.

... лишь ты восхощешь,
Шатнется мир на ломкой оси.⁴⁹

---

⁴⁵ Там же, стр. 67. Ср.: С. Б о б р о в. Таврида. Николаев, 1798, стр. 172 и сл. На сходство поэмы Томсона с «Тавридой» обратил внимание еще Кюхельбекер: «Напитанный чтением английских поэтов, он старался им подражать, и главным его образцом был Томсон. Так, например, в описаниях зноя и бури русский стихотворец заимствовал лучшие черты из „Времен года“» («Благонамеренный», 1822, № 12, стр. 453).

⁴⁶ «Журнал российской словесности», 1805, ч. 1, № 2, стр. 117.

⁴⁷ «Перемещен в походную канцелярию председательствовавшего в бывшем черноморском адмиралтейском правлении, и при обозрении Николаевской, Херсонской, Одесской, Севастопольской, Керченской и Таганрогской портов <так!> разделял с ним труд в сочинении обстоятельных о том донесений к высочайшему лицу» (Послужной список ЦГИАЛ). В посвящении своей поэмы Мордвинову Бобров сам говорит, что замысел его возник во время этих поездок: «Начало сего плода возрастом своим обязано еще первому вашему обозрению сего полуострова» (С. Б о б р о в. Таврида. Посвящение, не нумеровано).

⁴⁸ «Благонамеренный», 1822, № XI, стр. 426.

⁴⁹ На эти строки поэмы неоднократно обращали внимание критики. По поводу эпитета «ломкий» разгорелась даже небольшая полемика между И. Т. Александровским и Л. Н. Неваховичем («Северный вестник», 1805, ч. V, стр. 308; ч. VII, стр. 145—159). Сен-Мор во французской антологии русской поэзии для характеристики творчества Боброва приводит перевод именно «обращения к творцу» под названием «Le poete au Chatirdach» (см.: Emile Duprè de Saint-Maure. Anthologie russe... Paris, 1823, стр. 126—127). Этим же отрывком из «Херсониды» под названием «Address to the deity» начинает свои переводы из Боброва Джон Бауринг в «Российской антологии» (John Bowring. Российская антология. Specimens of the Russian Poets. London, 1821, стр. 147—150).